

Никита Контюков

КОЛОСОК

Сказка для детей и взрослых

Жила-была на дальнем конце хутора старушка – баба Фрося. Жила не тужила: оглянуться не успеешь – как на дворе сумерки. Забот хватало – корову подоить, хавронью покормить, цыплят посчитать, дрова поколоть, печь растопить, воды из колодца натаскать.

Одна беда – одинокой была старуха, вдова, муж на войне погиб, детей не оставил. Стара была Фрося, к концу дня спина не разгибалась, а помощники ой как были нужны. Да и вечерами скучно одной чаи распивать.

Решила баба Фрося пирог испечь. Тесто раскатала, огонь в печи развела – аж дрова трещат. С одной стороны корочка уже подрумянилась, а с другой – мякоть сырая. Баба Фрося кусочек оторвала и стала в руках раскатывать. Так незаметно и вылепила ребёночка, а тот взял да заговорил:

– Не надо меня в печь, бабушка! – испугался хлебный мальчонка.

Старушка сперва крестом себя осенила, а потом залюбовалась – уж больно мил глазу был рыжеволосый карапуз. И правда – как такого в печь? Будет ей помощником. А соседи зелёной пойдут от зависти: их-то отпрыски в город давно уехали, как стариков звать – не помнят. А у бабы Фроси внук – живой, настоящий, румяный.

Усадила она колосёнка за стол, самовар поставила.

– Звать-то тебя как? – спрашивает.

– А как хочешь, так и назови. Не обижусь.

– Хорошо. Тогда Колоском будешь.

Мальчонка одобрительно кивнул.

– И за что мне такое счастье? Жила себе одна-одинёшенька, как вдруг ты появился. По дому помогать мне сможешь?

– Смогу, бабушка. И за скотиной прибрать, и печь растопить. А огород – мой дом. Из земли вырос.

Баба Фрося не могла нарадоваться на Колоска и от счастья хлопала в ладоши. И работы будет меньше, и жить станет веселее.

– Только к курам меня не пускай, – предупредил не по годам смыслённый мальчик. – Заклюют.

Оно и понятно. Из ума баба Фрося ещё не выжила, чтобы Колоска на поклёв курам отдавать. С птицей сама управится.

И всё же старушка призадумалась, загрустила чуток. Соседям как объяснить, что у неё внук появился – на хуторе смолоду бездетной слыла.

– Не переживай, бабушка, – утешал Колосок, с морщинистого лица прочитавший её печаль. – Так всем и скажешь, что Колоска из теста вылепила. Пусть себе головы ломают.

Колосок всё успевал – и за хозяйством следить, и по хуторским просторам сломя голову носиться. Вдобавок, отличался житейской смекалкой. Бабе Фросе не приходилось повторять: "Береги тепло!", "Воды много не лей!" – всё понимал Колосок без слов. С соседями первый знакомился.

– Доброго здоровьица! – прикладывал ручонку к груди. – Как поживаете? Меня Колоском звать.

Бывало, поможет – воды натаскает в бочонок, дров наколет. Баба Фрося его даже заругала – нечего благотворительностью заниматься. Умников кругом полно – на чужом горбу хотят ездить.

Но Колосок всем нравился, каждый старался заманить его в свою избу. Один лишь Семён, пьяница и бездельник, ухмылялся, щеря свой беззубый рот.

– И где ж такого бабка Фрося наблудила, скажите на милость? Не было у ней никого, а тут внук нарисовался. Что за шутки такие? С луны он, что ли, свалился? Али в капусте его нашла?

Местные были бы рады посадить сорт капусты, из которой послушные внуки вырастают, да на рынке такой не водилось. Клавдия, бывшая замужем за трактористом Петром, ходила на базар яблоками торговать, а заодно выпрашивала, где такая капуста продаётся. Заморская, небось? Отечественная что-то ни разу в дом бездетных малютку не принесла. Клавдию на смех подняли – меньше, говорят, телевизор смотри, а то ещё и не такое примерещится.

А пьяницу Семёна всем хутором бойкотировали – ясное дело, завидует старый бездельник, что у Ефросиньи Парфёновны такой помощник вырос. У самого-то ни хозяйства нормального, ни потомства.

Колосок Семёнов дом стороной обходил, здравствовать ему не желал: сколько ни пожелай – всё пропёт. Потому Семён и невзлюбил мальчонку.

– Сорока-воровка цыплят таскает, а этого сопляка и подавно унесёт, – осклабился забулдыга, забрав в голову мысль погубить Фроськиного гадёныша.

Животастая Любка, бестолковая баба с тремя сопляками, на Колоска тоже искоса поглядывала, хотя и мурлыкала с ним, задобрить хотела. Сама-то Любка каждую осень плодилась и снова ходила с брюхом. Уже и гадать стало скучно, кто на этот раз её осчастливил. Бывали здесь залётные особи мужского пола – так Любка каждого приютит, накормит и лучшее место в своей лачуге отведёт. Детишки не по любви зачаты, а потому толку от них никакого – горластые драчуны по всей округе пыль гоняют, а мать помощи от них не дождётся. Вот и положила Любка глаз на Колоска.

– И откуда ты такой у бабы Фроси взялся, Колосок? – выпрашивала Любка, учуявшая тут какой-то подвох. Наверняка старая ведьма увела Колоска у его настоящих родителей. – Неужто внуком будешь?

Колосок не растерялся. Как учил бабушку, так и сказал напрямки:

– Баба Фрося меня из теста вылепила. Старенькая она уже, одной жить в тягость.

Любка расхохоталась.

– Что за тесто такое? Импортное, видать.

– Нет, отечественное. Самое обыкновенное пшено.

– Сколько пирог ни пекла, Колоска не слепила.

– Так вам он и не нужен – только рот лишний. Смотрите, сколько у вас детворы.

Своих надо воспитывать.

Любка недовольно поджала губы, а Колосок ускакал – лишь рыжие вихри волос рассыпались брызгами в неярком золоте ноября.

Зато с Клавдией Колосок держался куда любезнее. Он помогал ей снимать поздние яблоки, а за чаем вёл беседы, по-соседски, пока Пётр спал в тракторе, накрывшись телогрейкой. Клавдия питала к Колоску симпатию, и всё же бабье любопытство оказалось сильнее учтивости:

– Что-то раньше тебя здесь не видели. Ты чей будешь, Колосок?

– Бабушки Фроси.

– А родители твои где?

– Нету. Меня Ефросинья Парфёновна из теста слепила, дабы старость скрасить.

Клавдия сказкам не верила, чудес не ждала, но на Колоска глаз положила – своих детей у них с мужем не было. Что ж, не хочет говорить и пусть его. Одно ясно – сирота Колосок. Вот помрёт баба Фрося, Клавдия веки ей прикроет и Колоска усыновит.

Как-то раз Колосок вернулся домой поздним вечером. Старушка его отругала.

– Мал ещё ночами шастать! В следующий раз из дома тебя не выпущу.

Говорила она не на ветер – понимала баба Фрося, что своим появлением Колосок весь хутор взбудоражил. Сидел бы дома да за порядком следил. А он по гостям расхаживает, с местной публикой знакомится.

Колосок в слёзы, баба Фрося оправдываться:

– Не реви! За тебя ведь переживаю. Уведут, как делать нечего. В печку засунут и слопают, что хрустящую корочку. Люди на хуторе впроголодь живут.

Колосок перепугался и стал домоседом. Дальше двора – ни ногой. Баба Фрося подобрела, пирожки ему стала печь каждый день.

Но вдруг новая беда постучалась в дверь.

Старушка так и обмерла, когда засвидетельствовала на пороге участкового Андрея и двух толсторожих баб. Участковый как обычно был навеселе, а бабы, представившиеся инспекторами РАНО, подозрительно оглядывались по сторонам. Всё им тут не нравилось и казалось неуместным. Колоска в оборот взяли, отнять у бабы Фроси вознамерились.

– Почему ребенок в школу не ходит?

– Какая школа! – взбеленилась старуха, смекнувшая, что конец пришёл вечерам славным, когда они вместе с Колоском сказки читывали. – Ему всего-то пять годочков.

– Всё же с хутора тяжело добираться до городской школы. А ребёнку учиться надо. Будьте добры, предъявите свидетельство о рождении.

– Откуда же мне его взять? – решила баба Фрося напрямую, без утайки. – Земля его родила, мать-кормилица наша – с неё и спрашивайте.

Тётки напирали:

– У ребёнка должны быть документы. Кем он вам приходится? Где его родители? Прописка и всё остальное?

– Внук он мой. Нет у него родителей. И документов тоже нет. Я его из теста вылепила себе в помощь. Тяжело одной на старости.

Участковый глупо хихикнул, икая, а тётки переглянулись – сбрендил, видать, старуха, её тоже оформлять нужно – в больницу.

– Откуда мы знаем, что это ваш внук? Может, вы его похитили. Никак детский труд эксплуатируете?

Баба Фрося догадалась, откуда ветер дует – животастая Любка по всему хутору развонила, что Ефросинья Парфёновна на горбу несчастного ребёнка наживается, в ежовых рукавицах его держит. А потомственный бездельник Семён доложил участковому и вызвал инспекторов из РОНО. У одной оболтусы бестолковые, а у второго и тех нет.

– Покажите условия проживания, – настаивали проверяющие.

Баба Фрося провела их через сени в комнату, показала, где Колосок играет, где спит. Инспекторши брезгливо морщились.

– Придётся поднимать вопрос перед органами опеки. Условия не самые лучшие, кем вам ребёнок приходится – вразумительно объяснить не смогли. Скоро приедет к вам комиссия посерьёзнее.

Баба Фрося гостей проводила, печь растопила, пригорюнилась.

– Не надо меня в печь, бабушка, – ужаснулся Колосок.

– Что ты, милый! И в мыслях не было. Загрустила я – жизни нам с тобой не дадут. Замучают проверками, а документов на тебя нет. Как объяснишь им, бумажным душам, забывшим чудеса, что я тебя из теста вылепила?

Помолчав, прибавила:

– Говорила тебе: нечего по соседям шастать. Злых языков полно – люди пострашнее волков будут. Доложили, куда надо – вот и хотят тебя сцапать.

На следующий день прибежала Клавдия. Лицо её было взволнованно, на щеках играл коварный румянец. Кричит с порога:

– Отдавайте мне Колоска! На днях комиссия к вам нагрянет – несдобровать.

Баба Фрося нахмурилась.

– Ещё чего! На чужой пирог не разевай роток. Не отдам тебе Колоска.

Клавдия умело разыграла оскорблённое благородство:

– Помочь же вам хочу. На день-другой заберу мальчонку, а потом верну целёхоньким. Ко мне проверка не сунется – знают, что бездетная.

Не по годам серьёзный Колосок издал восторженный возглас – обведём всех вокруг пальца! И документов никаких не нужно – у тёти Клавдии поживёт маленько и к бабушке Фроси вернётся.

Но старушка учуяла подвох – уж больно Колосок приглянулся Клавдии.

– Усыновить его ты рада, а как придёт срок возвращать – на весь хутор крик поднимешь. Знаю тебя, лису. Пустишь слух, якобы баба Фрося внучонка за порог в непогоду выставила. А Колоска задобришь. Поди потом, добейся правды.

Колосок и Клавдия легко находили общий язык, и мальчик запротестовал:

– Я вернусь к тебе, бабушка!

Понемногу старуха смягчилась. Колоска у неё всё равно отберут, а так есть шанс подарить идиллии завтрашний день. В общем, отпустила она Колоска. Правда, расписку взяла с Клавдии – та обещала вернуть мальчонку в срок.

И вот настал день, когда на хутор комиссия из органов опеки прикатила. Баба Фрося изобразила удивление – не знает она никакого Колоска. Муж на войне

погиб, детей не оставил, внуков нет. Хоть всю избу обыщите – пусто. А когда её спросили о мальчонке, вылепленном из хлеба, старушка расхохоталась:

– За сумасшедшую меня держите?! О таком только в сказках читывала. Пирог пекла, но Колосков никаких не лепила.

Так и уехала комиссия восвояси несолоно хлебавши. А баба Фрося ещё смешком ехидным их проводила: вот дурни – с бумажонками возятся, а в чудеса поверили. Только и думают, с кого бы содрать.

Надо сказать, без помощника бабе Фросе приходилось худо. Привыкла она к Колоску, жизнь мёдом казалась. А ныне выбивалась из сил – чуть не замертво падала под конец рабочего дня. Уговор был такой: Клавдия вернёт мальчонку через неделю, а то вдруг проверяющие вновь на голову свалются.

Вот и гнулась старушка от зари до сумерек. За скотиной ходила – на сухой жилистой шее вены в палец толщиной дулись, со лба пот градом. А по дому-то сколько дел ещё надо сделать: и сготовь, и приберись, и постирай.

Прошла неделя и баба Фрося к Клавдии помчалась – Колоска забирать. А та на пороге её привечает, платочек не отнимает от губ. На вопросы старухи тяжело вздыхает.

– Нет больше Колоска, – говорит.

– Как нет? Ты ведь в срок обещала вернуть – бумагу подписывала.

Клавдия слезу уронила.

– Нет Колоска – хоть всю избу обыщи!

Старушка слова её на веру не приняла и стала по углам шарить. Небось, запрятала куда, лиса. Не хотела же ей доверять мальчонку. Но пусто было в избе – только Петр храпел на кровати.

– Что ж случилось-то?

– Куры склевали.

Баба Фрося захохала. Не хотела ей отдавать Колоска. Не умеет с детьми обращаться – потому бог и не даёт ей потомства.

Пошла домой старушка, повесив голову. Загрустила – помирать собралась.

А на следующий день пирог решила испечь. Одна сторона подрумянилась, а другая – сырая мякоть. Старушка скатала кусок теста и мальчонку хлебного вылепила – точь-в-точь Колосок получился. Самовар на радостях поставила, варенье сливовое из буфета достала.

– Как же ты тут очутился, Колосок? – не помнила себя от счастья бабка.

– От Клавдии убежал. Она меня силком удержать хотела.

– Тебя ведь куры склевали.

– Это Клавдия меня так страшила. А я взял да убежал. Я ведь тебя люблю, бабушка!

